

ТАШКЕНТЪ

(Историческій очеркъ).

Сложныя обязанности Городскаго Головы не позволяютъ мнѣ разработать настоящий вопросъ съ должною тщательностью и полнотою, и настоящий очеркъ является лишь попыткой исторической характеристики города Ташкента, представляя собою сводку того матеріала, который былъ мною частью лично разсѣдованъ, частью прочитанъ въ прежнее время, когда я могъ не только интересоваться ташкентскою стариною, но и заниматься ею.

Авторъ.

Самое слово „Ташкентъ“ (по мѣстному произношенію, Тошкандъ) какъ бы свидѣтельствуешь о томъ взаимодействіи тюркскаго и иранскаго элементовъ, которымъ характеризуется вся исторія нашего города,—съ преобладаніемъ притомъ элемента иранскаго. „Таш“ по тюркски значитъ камень; иранскій корень „кент“ (канд) означаетъ населенный пунктъ *); поэтому обыкновенно слово „Ташкентъ“ переводятъ словами „каменный городъ“. Однако гораздо болѣе вѣроятно, что первая половина имени нашего города имѣетъ связь съ древнимъ иранскимъ названіемъ ташкентскаго оазиса,—страна **Шашъ** (Чачъ, Джаджъ). Страна эта составляла въ древности сѣверо-восточный уголъ великаго Ирана.

Какому народу принадлежатъ орудія изъ полированного камня, найденныя полковникомъ Раевскимъ по близости Ташкента, неизвѣстно, но черепныя кости, найденныя въ древней могилѣ на Никифоровскихъ земляхъ, принадлежатъ людямъ арійской расы, и способъ погребенія, обнаруженный при раскопкахъ древнихъ могилъ въ окрестностяхъ Ташкента,—тотъ же, который свойственъ могиламъ самаркандскаго оазиса, составлявшаго одну изъ священныхъ арійскихъ странъ, упоминаемыхъ въ Авестѣ,—страну Сугда или Согдіану, какъ называли ее греческіе писатели. Трупъ у древнихъ иранцевъ считался нечистымъ. На сѣверо-востокъ Ирана, по очищеніи трупа отъ мягкихъ частей, кости собирались и складывались вмѣстѣ съ землею въ глиняную урну въ формѣ закругленнаго сундучка или саркофага, на бо-

*) „Кент“ (кет, кят)—селеніе; „канд“—городъ (Самаркандъ, Хокандъ, Тошкандъ). Впрочемъ, въ отличіе отъ словъ Самаркандъ и Хокандъ, которыя пишутся съ твердымъ к (з), слово Тошкандъ пишется съ мягкимъ к (и).

кахъ и на крышкѣ котораго дѣлались различныя украшенія и изображенія (богатѣйшая коллекція такихъ изображеній, дающая полное представленіе о бытѣ древнихъ обитателей края, была собрана покойнымъ генераломъ И. Т. Пославскимъ).

По замѣчанію одного изъ современныхъ ученыхъ, въ Иранѣ, странѣ Заратустры, (въ отличіе отъ Индіи) не было философовъ; не было ни метафизическаго глубокомыслія, ни жажды избавленія отъ міровой скорби. Но тамъ былъ крѣпкій народъ, полный здоровой жизнерадостности, привыкшій устраивать и отстаивать свое существованіе въ трудахъ и борьбѣ. Эти слова могутъ служить прекрасной характеристикой ташкентскаго туземнаго населенія; почти буквально въ такихъ же словахъ выражается о сартахъ извѣстный знатокъ ихъ быта Н. П. Остроумовъ.

Въ древнія времена долина могучей горной рѣки, орошающей ташкентскій оазисъ, долина Чирчика, вѣроятно, была сплошь занята камышевыми болотами и зарослями; въ такомъ именно состояніи находились на зарѣ исторіи долины другихъ значительныхъ рѣкъ Средней Азіи, впослѣдствіи обратившіяся въ высоко культурные оазисы, — именно, долина рѣки Зарявшана въ Бухарскихъ владѣніяхъ и Ферганская долина. Самый Чирчикъ носилъ въ древности иранское имя Фаракъ („оперенный“, „летащій“, сходнаго значенія съ семитическимъ словомъ Диджаласть, т. е. Тигръ, одна изъ великихъ рѣкъ Месопотаміи). Въ чирчикскихъ заросляхъ въ изобиліи водились дикіе звѣри, — кабаны и тигры; тигры были окончательно истреблены лѣтъ 30 тому назадъ русскими, изъ которыхъ особенно отличился на охотничьемъ поприщѣ отставной солдатъ Гамовъ.

Названіе другой значительной рѣки ташкентскаго оазиса — Ангренъ — чисто иранское, — Дарьо-и-Ахангяронъ (рѣка мастеровъ, обрабатывающихъ желѣзную руду).

Какъ извѣстно, религія древнихъ иранцевъ, или такъ называемый маздаизмъ, — признавала два божественныя начала, доброе и злое. Добрыя силы природы во главѣ со свѣтлымъ божествомъ Агурамаздою (Ормуздомъ) вели вѣчную борьбу съ темными силами зла, — съ Ангроманьюсомъ (Ариманомъ). Земледѣльческій оазисъ, съ населявшими его арійцами, съ полезными домашними животными, съ дорогами и мостами, съ жилищами, гдѣ вѣчно поддерживался огонь, съ оживленными базарами, — это было царство жизни и свѣта, — царство Ормузда; степь съ населяющими ее змѣями, гадами и ядовитыми насѣкомыми, съ хищными звѣрями и съ хищными кочевыми племенами тюркскаго происхожденія, — это было царство смерти и мрака, царство Аримана.

Уже въ одномъ изъ гимновъ Авесты говорится о степныхъ всадникахъ, убивающихъ мужей, угоняющихъ скоть и уводящихъ въ плѣнъ женъ и дѣтей. Подобныя картины кочевыхъ набѣговъ еще помнятъ и описываютъ нынѣ живущіе туземные старожилы окрестностей Ташкента, и только русская власть водворила здѣсь безопасность и миръ.

Характерно слѣдующее персидское двустишіе, слышанное мною въ Ташкентскомъ уѣздѣ и, быть можетъ, здѣсь же и возникшее:

Лоля ро гуфтамъ: сія диль буданатъ азъ бахръ-и-чистъ?

Гуфтъ: холяшъ инъ буатъ харъ кас-ки даръ сахро нашастъ.

„Я спросилъ у тюльпана, почему у него черное сердце?

Онъ сказалъ: это бываетъ со всякимъ, кто живетъ въ степи“

Однако страна Чачъ или Шашъ не упоминается Авестою въ числѣ священныхъ странъ арійскаго міра. Возможно одно изъ двухъ; или ташкентскій оазисъ еще не былъ колонизованъ арійцами въ ту эпоху, когда слагались гимны Авесты, или это была глухая и бѣдная окраина арійскаго міра.

По мѣстнымъ преданіямъ, болѣе древнимъ населеннымъ пунктомъ, нежели Ташкентъ, является Паркентъ, нынѣ большой кишлакъ къ востоку отъ Чирчика, главный пунктъ такъ называемаго Семиградія (Ійтыкентская волость). Слово Паркентъ (древній Фаранкентъ), можетъ быть, одного корня со словомъ Фаракъ,—древнимъ названіемъ Чирчика. Вполнѣ вѣроятно, что арійская колонизація шла именно по полосѣ предгорій, защищенной отъ степи болотами чирчикской долины и протоками рѣки Чирчика.

Въ иранскомъ богатырскомъ эпосѣ страна Чачъ упоминается. Въ свою очередь, по мѣстнымъ ташкентскимъ преданіямъ, древнимъ царемъ Ташкента былъ Золь или Заль, который провелъ арыкъ Захъ (болѣе вѣроятно, что слово это происходитъ отъ слова „захъ“ — родники). Сыномъ Зола былъ знаменитый иранскій богатырь Рустамъ, состоявшій при отцѣ военачальникомъ (сипахъ-саларъ); онъ, будто бы, провелъ арыкъ Саларъ. Когда Рустамъ умеръ, 1115 лѣтъ отъ роду,—старый Золь оплакалъ его въ слѣдующемъ персидскомъ двустишіи:

Хазоръ у садъ у понзда соль мурдъ

Джахонро но диду джуонъ мардъ мурдъ

т. е. „Онъ умеръ всего 1115 лѣтъ; не повидаль (бѣдняжка) міра и умеръ молодымъ“.

Самъ Золь достигъ возраста въ 3000 лѣтъ и умеръ во времена Нуширвана (персидскій царь VI стол. по Р. Х. Хозрой Великій, Ануширванъ, т. е. справедливый, изъ династіи сассанидовъ).

Большой ташкентскій арыкъ Кайкаузъ носить имя одного изъ легендарныхъ царей Ирана. Древнія циклопическія постройки изъ камня безъ связи въ горахъ къ юго-востоку отъ Ташкента носятъ названіе „хона-и-мугъ“, т. е. жилища маговъ. Магами, какъ извѣстно, назывались священнослужители маздаизма. Впослѣдствіи слово „магъ“ стало означать волшебника.

Существуютъ въ Ташкентскомъ уѣздѣ также легенды про царя Афросіаба, приурочиваемыя обыкновенно къ Самарканду, и про царя Кыюмырса (Фераморсъ европейской поэзіи).

Слово „Чачъ“ не могло быть передано буквами греческаго алфавита, и потому возможны лишь гадательныя предположенія, что слово это имѣетъ связь съ названіемъ одного изъ двухъ народовъ, входившихъ въ составъ пятнадцатой сатрапіи персидскаго царства. А именно, въ III книгѣ Геродота упоминаются, рядомъ съ саками, составлявшими населеніе этой сатрапіи, какіе то каспіи. Такъ какъ народъ каспіи, давшій свое имя Каспійскому морю, упоминается Геродотомъ ранѣе, въ составѣ другой сатрапіи, то ученые почти единогласно признаютъ это мѣсто у Геродота испорченнымъ; наиболѣе правдоподобная поправка предлагаетъ читать вмѣсто Каспіи—Касіи; въ этомъ словѣ можно, пожалуй, видѣть попытку греческаго писателя передать буквами родного ему алфавита древнее названіе нашей страны. Что касается саковъ, то этотъ знаменитый народъ жилъ къ сѣверу отъ Сыръ-дарьи (древняго Яксарта). Въ бизитунской надписи среди прочихъ дѣяній Дарія Гистаспа упоминается усмиреніе саковъ, возмущившихся противъ персидскаго владычества. Къ сожалѣнію, это мѣсто надписи сильно размыто водою; можно прочесть лишь, что войско Дарія переправилось черезъ рѣку, кого-то умертвило и взяло въ плѣнъ вождя саковъ Саруку (или Сакуку). Слово Сарука хорошо объясняется изъ тюркскаго языка (сарыкъ, сары, сару-рыжій). По словамъ Геродота, саки носили остроконечныя шапки изъ войлока, одѣты были въ штаны (признакъ крайняго варварства въ глазахъ грековъ и римлянъ), сражались стрѣлами, короткими мечами и топориками; въ битвѣ при Платеѣ особенно отличилась конница саковъ.

Греческій поэтъ Хериль, отъ котораго остались лишь фрагменты говорить про саковъ слѣдующее:

„Саки, пасущіе овецъ, по происхожденію скиѣы, но обитали богатую пшеницей Азійскую землю; они были высленцы отъ кочевниковъ, людей справедливыхъ“.

Замѣчательно, что эта характеристика,—соединеніе земледѣльческой культуры (съ преобладаніемъ именно пшеницы) съ кочевымъ

бытомъ (пастъбою овецъ) можетъ быть всецѣло приложена къ Ташкентскому уѣзду и доселѣ.

Въ исторіи походовъ Александра Македонскаго о странѣ Чачь нѣтъ никакого упоминанія, хотя крайній пунктъ, достигнутый македонянами въ этихъ мѣстахъ послѣ переправы черезъ Яксартъ и удачной битвы со скиѣами (саками), расположенъ всего въ 100 съ небольшимъ верстахъ къ югу отъ нынѣшняго Ташкента.

Во II вѣкѣ по Р. Х. китайскіе писатели отмѣчаютъ на средней и нижней Сыръ-дарьѣ многочисленный кочевой народъ—Кангюй. Полагаютъ, что это тюркское племя канглы, доселѣ сохранившееся преимущественно въ Ташкентскомъ уѣздѣ. Въ ту же эпоху по китайскимъ свѣдѣніямъ страны отъ Ферганы до Персіи были заселены земледѣльческими народами, которые говорили на нарѣчіяхъ одного и того же языка; наблюдательные китайцы отмѣтили, что жители этихъ странъ имѣютъ впалые глаза и густыя бороды, искусны въ торговлѣ и наперерывъ соперничаютъ въ выгодахъ.

Въ эпоху послѣ великаго переселенія народовъ районъ нынѣшняго Ташкента принадлежалъ такъ называемымъ „бѣлымъ гуннамъ“ (тибетскому племени юечжи). Сюда проникало тогда полигическое и культурное вліяніе Китая. Шелководство, выдѣлка стекла и бумаги, — эти древнія отрасли средне азіатской промышленности, — вѣроятно, занесены сюда изъ Китая. Слѣдующіе вѣка были временемъ усиленія тюрковъ, образовавшихъ въ теперешнемъ Семирѣчьи и далѣе на востокъ, до озера Байкала, могущественныя царства во главѣ съ хаканами.

Въ эпоху появленія въ Туркестанѣ арабовъ, т. е. въ VIII вѣкѣ, арабамъ пришлось немало бороться съ кочевниками, жившими къ сѣверу отъ Сыра. Среди этихъ кочевниковъ въ то время начало распространяться христіанство, въ формѣ несторіанства и другихъ сектъ. Въ Сайрамѣ, нынѣшнемъ селеніи Чимкентскаго уѣзда, была несторіанская митрополія. Интересно, что даже и теперь, когда туземное христіанство въ Средней Азіи совершенно исчезло, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, кромѣ могильныхъ камней, да (быть можетъ) орнамента на коврахъ въ формѣ несторіанскихъ крестовъ, въ Сайрамѣ показываютъ могилы Маріамъ-биби и Иса-пайгамбаръ, т. е. Пресвятой Дѣвы Маріи и Іисуса Христа, — послѣднее воспоминаніе о бывшемъ здѣсь, вѣроятно, христіанскомъ храмѣ. По близости нынѣшняго Чиназа, при впаденіи Чирчика въ Сыръ-дарью, было христіанское селеніе Винкердъ. Слѣдовъ буддизма въ Ташкентскомъ уѣздѣ не найдено, но судя по значительному распространенію этой религіи въ Средней Азіи, вѣроятно, здѣсь былъ и буддизмъ. Какъ извѣстно,

самое слово Бухара, названіе одного изъ фанатичнѣйшихъ городовъ мусульманскаго міра, означаетъ буддійскій монастырь (вихара); въ балхскомъ раіонѣ, на родинѣ Заратустры, было селеніе Наубехаръ (новый монастырь), а далѣе къ югу, у селенія Баміанъ, сохранились грандіозные буддійскіе идолы, высѣченные изъ скалы Идолы по сартовски называются „бутъ“.

Въ ту же эпоху въ странѣ Чачъ распространились послѣдователи полухристіанскихъ сектъ, возникшихъ въ Персіи,—манихеи и маздакиты.

Арабы появились въ ташкентскомъ раіонѣ въ 711 году по Р. Х., и съ этихъ поръ о странѣ Шашъ имѣются многочисленныя историческія свидѣтельства.

Въ эпоху арабскаго завоеванія долины Чирчика и Ангрена были заняты арійскимъ населеніемъ, но по сосѣдству жили и тюрки. У арабскихъ географовъ встрѣчается подробное описаніе страны Шашъ и страны Илакъ (долина Ангрена) съ 50 населенными пунктами. Нѣкоторыя изъ названій этихъ пунктовъ сохранились и доселѣ въ названіяхъ кишлаковъ: Бискентъ, Самсаракъ, Ференкентъ (Паркентъ), Ше-хахъ (Сокакъ), Зеренкентъ (Заркентъ)*), Хатункентъ (Хатынайлыкъ), Сайлыкъ, а также въ названіяхъ арыковъ и долинъ: Кенгракъ, Гад-рангъ, Шафкатъ и др. Главнымъ городомъ являлся Бинкентъ, лежавшій какъ разъ на мѣстѣ нынѣшняго Ташкента. Это былъ большой городъ, имѣвшій въ длину и ширину по фарсаху (по 8 верстѣ). Городъ былъ обнесенъ двумя рядами стѣнъ; внѣшняя имѣла семь верстѣ, внутренняя—десять. Любопытно, что уже тогда здѣсь сказывалось взаимодействіе кочевого тюркскаго и земледѣльческаго арійскаго міровъ, на грани которыхъ лежалъ Ташкентъ. А именно, одни изъ воротъ города носили названіе воротъ улицы хакана, т. е. тюркскаго хана, а другія—воротъ эмира, т. е. арабскаго правителя; третьи ворота назывались воротами замка дехкана. Дехканами въ средніе вѣка назывались въ Средней Азіи крупные землевладѣльцы, среди которыхъ до прихода мусульманъ господствовали нравы, напоминавшіе феодализмъ и рыцарство.

Въ Бинкентѣ и его окрестностяхъ по описанію арабскихъ географовъ было много садовъ и виноградниковъ; базары были крытые. Какъ извѣстно, улицы обширнаго базара туземнаго города Ташкента доселѣ перекрыты кровлею (тимъ). Къ сѣверу отъ города лежала степь Каласъ (нынѣ степная долина рѣки Каласа, или, по киргизскому произношенію, Келеса). Культурный оазисъ Шаша былъ защищенъ

*) Настоящее произношеніе—Заркетъ (или Заркятъ), Паркетъ, Ходжакетъ и т. д.

ь сѣверо-запада оврагами арыка Бозсу (Каракамышъ), а затѣмъ массивною глинобитною стѣною, которую построили арабы. Остатки этой стѣны, называемой „кампыръ-деволъ“ (стѣна—старуха), сохранились и доселѣ. Такая же точно стѣна защищала со стороны степи оазисы бухарскій и мервскій, да и великая китайская стѣна въ западной ея части также представляетъ собою массивное глинобитное сооруженіе. Всѣ эти стѣны имѣли единственное назначеніе—охранять земледѣльческія страны отъ набѣговъ хищныхъ кочевниковъ.

По всему ташкентскому оазису разбросаны массивные насыпные холмы, на которыхъ стояли древнія укрѣпленія. Для возведенія этихъ холмовъ требовались грандіозныя работы, и уже одно это обстоятельство говоритъ о высокой земледѣльской культурѣ древняго Шаша.

Въ IX вѣкѣ всѣ эти укрѣпленія стали не такъ нужны для Шаша. Знаменитая династія саманидовъ покорила долину Арыси, и арійско-арабская культура отвоевала у Турана новую область. Основатель династіи получилъ свое прозвище отъ слова „саманъ“, рубленая пшеничная солома, играющая и донынѣ такую важную роль въ мѣстномъ туземномъ быту. Эпоха саманидовъ считается эпохой расцвѣта національной мусульманско иранской культуры. Исламъ восторжествовалъ надъ другими религіями Средней Азіи, но жизненный строй оставался иранскимъ. Памятниками ранняго мусульманскаго періода въ жизни Ташкента являются холмъ Шахиданъ-типа (могила воителей, павшихъ за вѣру) и могила Абу-бекра Каффоли-Шаши,—нынѣ мазаръ Хазретъ-Имамъ или Хастъ-Имомъ, на сѣверной окраинѣ туземнаго города (въ Сибзарской части города; могила относится къ 926 году по Р. Х.). Еще дальше находится мѣстность Шашъ-типа, сохранившая древнее имя области. Древнѣйшею же частью Ташкента вообще нужно считать холмъ Шааръ-нишинъ-типа, или Шаршинъ типа, въ Кукчинской части туземнаго города, по близости мазара Хастъ-Имомъ. Названіе это означаетъ „мѣстопробываніе города“ (по другому толкованію. „мѣстопробываніе царя“, отъ Шахъ-нишинъ-типа). Отъ арабскихъ временъ сохранилось названіе большого арыка Анхоръ (арабское множественное число отъ слова „нахръ“, потокъ, употребляемое и въ смыслѣ единственнаго числа). Такъ называется отвѣтвленіе арыка Бозсу, отдѣляющее русскій городъ отъ туземнаго. Нижняя часть другого отвѣтвленія Бозсу, огибающаго туземный городъ съ сѣвера, именно арыка Кайкаузъ, въ низовьяхъ также носитъ названіе Анхора. Центральная часть базара, нынѣ находящаяся на его окраинѣ, около мадраса Беклярбеги сохранила древнее арійское названіе Ригистанъ а

каждая изъ четырехъ частей туземнаго города носить иранское-же названіе „даха“, отъ „дэхъ“, или „дахъ“, поселеніе.

Самая южная часть Ташкентскаго уѣзда, по границѣ съ Ходжентскимъ уѣздомъ, давала арабамъ много серебра изъ богатыхъ рудниковъ, находившихся тамъ (Кухи симъ, т. е. серебряная гора). На многихъ аббасидскихъ и саманидскихъ монетахъ значатся надписи „Рудникъ Шаша“, или „чеканено въ Илакъ“. Возможно, что въ долину Чирчика уже въ тѣ времена добывалось и золото, которое нынѣ промывается бѣдняками — киргизами по верхнему теченію Чирчика (по Чоткалу). На это, повидимому, указываетъ названіе кишлака Заркентъ, — золотой городокъ.

Пограничное населеніе Шаша издревле отличалось самостоятельностью, и древнее арабское изреченіе гласитъ, что проходя черезъ страну Шашъ слѣдуетъ повыше поднимать полы платья, потому что это мѣстопробываніе чертей, отъ которыхъ бѣгутъ правители.

Саманиды должны были уступить господство тюркскимъ князьямъ династїи караханидовъ, — повидимому изъ племени Карлукъ („снѣговики“). Карлукскіе государи (илекъ-ханы) правили и восточнымъ, и западнымъ Туркестаномъ и приняли мусульманство. Много численные князья этой династїи (текины) сидѣли по разнымъ городамъ Средней Азіи. Въ Ташкентскомъ уѣздѣ доселѣ имѣется кара — киргизское селеніе Карлукъ, или Хорликъ, къ сѣверо-востоку отъ Паркента. Замѣчательно, что ташкентскій оазисъ лежитъ не только на границѣ двухъ расъ, — арійской и тюркской, но и на границѣ распространенія двухъ великихъ тюркскихъ племенъ; въ степи господствовало племя „казакъ“ (киргизъ-кайсаки), а въ горахъ Ташкентскаго уѣзда сидѣли „кыргызы“ (горные или дикіе киргизы, или кара — киргизы). Горныя селенія Ташкентскаго уѣзда вообще представляютъ любопытную смѣсь народностей: рядомъ со старинными таджицкими селеніями лежатъ селенія тюркскія. Такъ, въ долину рѣки Пскема, раздѣленные лишь рѣкою, — лежатъ два старыхъ кишлака: ближе къ горамъ Богустанъ (таджицкій) и ближе къ равнинѣ — Сиджакъ (тюркскій). По преданію таджики Богустана жили раньше на мѣстѣ Сиджака, но затѣмъ ушли на болѣе безопасное мѣсто, огражденное съ фронта рѣкою, а съ тыла снѣговыми горами, хотя это новое мѣсто было менѣе привольно и менѣе удобно для земледѣлія. Въ обоихъ кишлакахъ я нашелъ весьма старыя могилы (XIV вѣка), между прочимъ въ Сиджакѣ — могилы Мухаммада сына Пулада (тюркское имя; „пуладъ“, по тюркски, — сталь) и шейха Шамситдина Богустани (т. е. родомъ изъ Богустана). Очевидно тюрки уже начинали осѣдать, подчиняясь вліянію арійской земледѣльческой и мусульманской культу-

ры. Вообще мусульманство играло здѣсь роль спаивающаго и объединяющаго начала. Мною были напечатаны арабскія надписи изъ кишлака Ходжакентъ, свидѣтельствующія о томъ, что этотъ глухой горный кишлакъ подобно многимъ другимъ былъ въ XIV—XV вѣкахъ маленькимъ центромъ мусульманскаго просвѣщенія и пропаганды. Исламъ распространялся здѣсь не только мечемъ; его проповѣдниками были иногда люди истинно святой и скромной жизни,—пастухи (святой Зенги-ата), нищенствующіе дервиши, не имѣвшіе другого одѣянія, кромѣ стараго синяго халата на плечахъ („Кукъ-тунлюкъ ата“; мазаровъ съ этимъ именемъ насчитывается въ Ташкентскомъ уѣздѣ нѣсколько), и т. д.

Итакъ тюрки, вторгаясь въ ташкентскій оазисъ, постепенно поддавали вліянію мѣстной культуры, принимали мусульманство и осѣдали на землю. Постепенно, благодаря непрерывнымъ сношеніямъ съ тюрками, сношеніямъ военнымъ, политическимъ и торговымъ,—и иранское населеніе шашскаго оазиса, по крайней мѣрѣ на равнинѣ, начало говорить по тюркски. Такимъ образомъ образовалась сартовская народность, культура которой—иранская, языкъ-тюркскій, а на физическомъ типѣ отразилось вліяніе обѣихъ расъ, съ преобладаніемъ впрочемъ расы иранской. Названія „махалля“ или кварталовъ въ туземномъ Ташкентѣ въ старѣйшихъ частяхъ города (Кукчинской, Сибзарской и части Шейхантаурской) преимущественно иранскія; въ болѣе новыхъ (Бешъ-агачской и отчасти Шейхантаурской)—тюркскія. Иранскіе кварталы: Гаукушъ (быкобойцы, мясники), Падаркушъ (отцеубійца), Парчабофъ (ткачи парчи), Пуштихамомъ (около бани), Пуштибагъ или Пуштуакъ (около сада), Сибзаръ (яблочный садъ), Хадра, Ригистанъ, Тинчабъ, Шаршинъ, Сагбанъ (псары), Комальянъ (совершенные, т. е. святые), Тахтапуль (деревянный мостъ) и т. д. Название махалля Хыябанъ встрѣчается на другомъ краю Ирана, въ Тавризѣ. Тюркскія названія: Бешъ-агачъ (пять деревьевъ), Алмазаръ (яблочный садъ), Янги-шаръ (новый городъ), Ганчъ-типа (алебастровый холмъ), Кушчи (сокольники), Гыштъ купрюкъ (кирпичный мостъ) и т. д. Особенно любопытно названіе одной изъ махалля,—Янги-шааръ-Туркъ (новый тюркскій городъ). Очевидно, такое названіе могло сложиться лишь въ ту эпоху, когда главная масса городского населенія говорила еще по ирански или признавала свое иранское происхожденіе, и тюрки селились лишь по окраинамъ города.

Въ настоящее время иранскимъ нарѣчіемъ говорятъ лишь таджики, живущіе въ нѣкоторыхъ горныхъ селеніяхъ Ташкентскаго уѣзда; численность ихъ не превышаетъ 15 тысячъ, и среди нихъ быстро идетъ процессъ сартизації.

Въ XII вѣкѣ ташкентскій районъ вмѣстѣ съ сосѣдными частями Средней Азіи подпалъ владычеству тунгузскаго народа „Китай“, давашаго свое имя Срединному государству. Мусульмане называли это племя „кара-китаи“ (черными китайцами). Правители кара-китаевъ или гурханы были христіанами несторіанами (или манихеями), и мусульманскому населенію пришлось впервые испытать иго невѣрныхъ въ Средней Азіи. Впрочемъ гурханы оставили тюркскихъ князей въ качествѣ своихъ вассаловъ, и владычество ихъ было непродолжительнымъ. Къ востоку отъ Ташкента, по дорогѣ въ Паркентъ, имѣется искусственный холмъ, остатокъ древняго укрѣпленія, носящій названіе Ктай-типа, а въ долинѣ Ангrena есть большое селеніе Кара-ктай.

Настоящій очеркъ былъ бы неполонъ, если бы я не упомянулъ о томъ, что тюркское племя канглы, обитавшее по средней Сырь-Дарьѣ и сохранившееся особенно въ Ташкентскомъ уѣздѣ, было главной основою той тюркской орды, которая, постепенно подвигаясь на юго-западъ, сформировалась въ хищное военное государство, покрывшее своей грубой и жестокой властью сначала Мервъ (1030 г. по Р. Х.), а затѣмъ при султанѣ Сельджукѣ и его преемникахъ почти всю Переднюю Азію. Итакъ, первоначальная родина сельджукскихъ, а стало быть и османскихъ турокъ, причинившихъ столько зла западной цивилизаціи,—гдѣ то по близости отъ насъ, на средней Сырь-дарьѣ.

Въ настоящее время въ Ташкентскомъ уѣздѣ встрѣчаются степные киргизы (казакъ) разныхъ родовъ, особенно „сергеле“, которые являются недавними пришельцами изъ Чимкентскаго уѣзда, и „канглы“, которые жили здѣсь до русскаго завоеванія. Остатками же древнѣйшихъ тюркскихъ аборигеновъ ташкентскаго района я считаю киргизскій родъ Джаджтуръ, обитающій кое-гдѣ въ средней части чирчикской долины „Джаджъ“—тюркское произношеніе слова Чачъ; „туръ“,—одного корня съ глаголомъ „турмакъ“,—означаетъ мѣстопробываніе. Слѣдуетъ также отмѣтить кара-калпаковъ, которые здѣсь, какъ и во всей Средней Азіи, занимаютъ болотистыя мѣста вдоль рѣки Чирчика, у селенія Каварданъ. Вообще изъ смѣси различныхъ тюркскихъ племенъ, издревле проходившихъ черезъ ташкентскій районъ, образовалось племя Курама, населяющее долины Ангrena и Чирчика къ югу отъ Ташкента.

Во время монгольскаго нашествія ташкентскій оазисъ былъ покоренъ монголами, но главное войско ихъ прошло значительно западнѣе Ташкента, направляясь къ Бухарѣ прямымъ путемъ черезъ Кызылъ-кумы. Городъ Бенакетъ при устьѣ Ангrena былъ осажденъ лишь 5.000 монголовъ подъ начальствомъ Алакъ нойсана. Тюркскій гарни-

зонъ Бенакета подъ начальствомъ Илетгу малика защищался три дня; на четвертый день городъ сдался. Монголы гарнизонъ перебили, а часть жителей, именно ремесленниковъ и отрядъ молодыхъ людей увели съ собою для осадныхъ работъ при взятіи другихъ городовъ Средней Азіи. Дороже всего обошлось монголамъ взятіе Ходжента, гдѣ заперся храбрый военачальникъ хивинскаго хорезмшаха Тимуръ-маликъ. Городъ Ходжентъ осаждали 20 тысячъ монголовъ и 50 тысячъ плѣнныхъ туземцевъ изъ разныхъ городовъ,—вѣроятно, въ томъ числѣ и изъ ташкентскаго оазиса.

Бенакетъ оставался въ развалинахъ нѣсколько столѣтій, но другіе города ташкентскаго раіона, въ томъ числѣ и самъ Ташкентъ,—повидимому, уцѣлѣли и достались въ удѣлъ среднему сыну Чингизъ-хана, Чагатаю. Памятниками монгольскаго владычества въ Ташкентѣ являются двѣ улицы, Чагатай-куча съ Чагатайскими воротами и Моголь-куча (Монгольская улица). Такъ какъ имена Чагатай и Моголь встрѣчаются и въ Индіи для обозначенія потомковъ тѣхъ средне-азіатцевъ, которые послѣдовали туда за султаномъ Бабуромъ, уроженцемъ Ферганы, а впослѣдствіи основателемъ имперіи великихъ моголовъ въ Индіи, то Аристовъ, извѣстный изслѣдователь тюркскихъ племенъ и народностей, полагаетъ, что названія Чагатай и Моголь были нарицательными именами для обозначенія служилаго класса, окружавшаго правителей. Сначала этотъ классъ состоялъ изъ монголовъ, а затѣмъ благодаря широкой религіозной и національной терпимости монгольскихъ хановъ въ эту среду быстро проникли и заполнили ее собою ловкіе и храбрые выходцы разнаго происхожденія, преимущественно тюрки. Однако въ горахъ Ташкентскаго уѣзда по притокамъ рѣки Пскема встрѣчаются и несомнѣнные потомки монголовъ, именно, кара-киргизы рода Монголь (такъ и произносится „монголь“, а не „моголь“ и не „могуль“).

Въ долину рѣки Ангrena имѣется селеніе Онгутъ,—носящее имя одного изъ важнѣйшихъ монгольскихъ племенъ, подчинившихся Чингизъ хану. Слѣдуетъ также отмѣтить къ югу отъ ангрена раіона горы Моголь-тау, ограждающія съ сѣвера ходжентскій оазисъ.

Самъ Чагатай еще сохранилъ твердую и стройную систему управленія, которая такъ восхитила впослѣдствіи знаменитаго венеціанца Марко Поло, но послѣ Чагатая монголы Средней Азіи быстро растворились въ массѣ тюркскаго и иранскаго населенія, поддавшись неотразимому обаянію исламо-иранской культуры. Послѣдніе чингизиды въ Средней Азіи были сплошь мусульманами. Памятникомъ монгольскаго владычества являлись въ Средней Азіи до русскаго завоеванія только многочисленные титулы и званія должностныхъ лицъ и наименованія

государственныхъ установленій: ямъ (почта), ярлыкъ (объявленіе или манифестъ), ясауль, карауль, тамга, тарханъ и т. д.

Да еще, пожалуй, отражаетъ монгольскую государственную идею (по существу аристократическую) слѣдующее тюркское двустишіе, слышанное мною въ Ташкентѣ:

Кара ирь босурги тоглярь яратты;

Халоикъ босурги—сультанъ эмасъ-му?

„Сотворилъ Онъ (т. е. Господь) горы, чтобы сдавливать (басмакъ, — откуда и слово „баскакъ“ нашихъ лѣтописей) черную землю.

„Не для того ли существуетъ правитель, чтобы сдавливать (черный) народъ?“

Монгольское государство носило въ себѣ зародыши быстрого разложенія. Между преемниками и наслѣдниками Чингизъ-хана началась борьба за большіе удѣлы и за отдѣльныя области этихъ удѣловъ. И чѣмъ болѣе ослабѣвало въ этой борьбѣ внѣшнее могущество монгольской имперіи, тѣмъ слышнѣе и грознѣе становился ропотъ культурныхъ народовъ, вынужденныхъ покоряться правителямъ-кочевникамъ. Та исламско-земледѣльческая культура которая къ этому времени уже прочно водворилась въ Туркестанѣ, въ равной степени возмущалась какъ противъ разоренія полей, вытаптываемыхъ стадами кочевниковъ, такъ и противъ религіозной терпимости монгольскихъ правителей, оказывавшихъ уваженіе, а иногда даже и предпочтеніе христіанамъ, буддистамъ и другимъ иновѣрцамъ. Уже весной 1266 года, т. е. менѣе чѣмъ черезъ полстолѣтія послѣ монгольскаго завоеванія въ предѣлахъ нынѣшняго Ташкентскаго уѣзда, именно, въ долину Ангrena произошло знаменательное событіе: ханомъ Чагатайскаго удѣла былъ провозглашенъ монгольскій царевичъ, правнукъ Чагатая, принявшій мусульманство нѣкій Мубаракъ-шахъ.

Произошло это безъ позволенія главы монгольской имперіи, великаго хана Хубилая, а потому осенью того же 1266 года Мубаракъ-шахъ былъ низложенъ и захваченъ въ плѣнъ другимъ монгольскимъ царевичемъ, Боракомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ между Боракомъ и сосѣднимъ монгольскимъ правителемъ Хаиду состоялось на курултаѣ (сеймѣ) въ долину Таласа соглашеніе, въ силу котораго, между прочимъ, монгольскіе царевичи обязывались кочевать въ степяхъ и горахъ, не выпускать своихъ стадъ на пашни и не брать съ жителей

ничего, кромѣ законныхъ податей и доходовъ съ принадлежащихъ имъ ремесленниковъ. Соглашеніе это, конечно, оставалось мертвою буквою, и борьба между монгольскими царевичами становилась все болѣе ожесточенною. Въ этой борьбѣ принимали живѣйшее участіе тюркскіе князья, потомки мѣстныхъ правителей, не окончательно низложенныхъ монголами. Параллельно ей шла борьба между осѣдлою и кочевою культурами; среди самого осѣдлаго населенія кипѣла борьба классовая; низшіе и средніе слои, земледѣльческій и торговый людъ, возмущались противъ высшаго класса, обвиняя его въ угодничествѣ передъ монголами. На этой почвѣ въ Самаркандѣ разыгралась во второй половинѣ XIV вѣка настоящая революція, при чемъ во главѣ движенія стали студенты мадраса, успѣшно отразившіе нападеніе монголовъ на этотъ городъ. Разореніе страны было неописуемое. Одинъ мусульманскій писатель говоритъ о Туркестанѣ въ первой половинѣ XIV столѣтія слѣдующее: „Въ Туркестанѣ теперь можно найти только развалины, болѣе или менѣе хорошо сохранившіяся. Издали видишь хорошо построенное селеніе, окрестности котораго покрыты цвѣтущей зеленью. Приближаешься къ нему въ надеждѣ встрѣтить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Всѣ жители страны кочевники и совершенно не занимаются земледѣліемъ“. Въ довершеніе бѣдствій, въ 1338 и 1339 годахъ черезъ Семирѣчье и Среднюю Азію прошла страшная моровая язва, опустошившая затѣмъ Европу и извѣстная въ исторіи подъ именемъ черной смерти. Множество несторианскихъ могилъ въ Семирѣчѣ относится къ этому періоду, и на сирійскихъ надписяхъ этихъ памятниковъ нерѣдко читается добавленіе: „умеръ отъ моровой язвы“.

Такъ жить далѣе было нельзя. Но стойкое населеніе Средней Азіи хотѣло жить, и во второй половинѣ XIV столѣтія наблюдается мощная реакція мусульманской культуры противъ монголовъ и принесенныхъ ими порядковъ. Во главѣ этой реакціи сталъ знаменитый Амиръ (эмиръ) Тимуръ или Тамерланъ, „Желѣзный хромецъ“ русской исторіи.

Уже до Тимура тюркскіе князья, усвоившіе себѣ арабскій титулъ эмировъ, вмѣшивались въ междоусобія монгольскихъ царевичей и въ срединѣ XIV вѣка сдѣлались совершенно самостоятельными, такъ что потомки Чагатая, сами окончательно омусульманившись, были лишь номинальными правителями. Амиръ Тимуръ объединилъ эти разрозненные силы тюркскихъ князей, истребилъ своихъ соперниковъ, раздавилъ демократическія движенія и, окруживъ себя ореоломъ защитника вѣры и покровителя той исламской, земледѣльческо-скотоводческой, тюркско-иранской культуры, которая выработалась въ

Туркестанъ, создалъ могущественное государство. Онъ далъ Средней Азіи основы новаго, относительно болѣе мирнаго порядка. Извѣстно „Уложеніе Тимура“ (Тузукъ-и-Тимуръ); извѣстна та заботливость, съ которою Тимуръ собиралъ въ Среднюю Азію различныхъ ремесленниковъ и художниковъ изъ покоренныхъ имъ странъ.

Къ сожалѣнію, храбрость и мудрость сочетались въ Тимуръ съ крайней жестокостью и коварствомъ.

Громадныя силы, которыя Средняя Азія предоставила въ распоряженіе Тимура, онъ бросилъ на сосѣднія страны, на владѣнія монголовъ и татаръ, на Индію, Афганистанъ, Персію, Кавказъ, Месопотамію, Сирію и Малую Азію. Могущественный глава Золотой орды, ханъ Тохтамышъ пытался состязаться съ Тимуромъ и двинулся на Среднюю Азію, но потерпѣлъ пораженіе на рѣкѣ Арыси, въ нынѣшнемъ Чимкентскомъ уѣздѣ. Мною записано слѣдующее тюркское двестишіе, напоминающее объ этомъ событіи:

Амиръ хайбатиданъ качибъ Тохтамышъ

Ки су и-Арстанъ качибъ тохтамышъ

(игра словъ: Тохтамышъ — собственное имя и дѣе-причастіе, означающее „не останавливаясь“).

„Изъ страха передъ Эмиромъ (Тимуромъ) бѣжалъ Тохтамышъ, — бѣжалъ отъ арысскихъ водъ безъ остановки“.

Какъ извѣстно, Тимуръ пошелъ слѣдомъ за убѣгавшимъ Тохтамышемъ и во второй походъ опустошилъ южную половину Россіи. Монгольскіе владѣтели Семирѣчья, называвшагося тогда Могулистаномъ (или Дже-те, т. е. страна разбойниковъ), — были совершенно разгромлены Тимуромъ. Персія, сѣверо-западная Индія и передняя Азія испытали свирѣпое нашествіе среднеазиатскихъ полчищъ; даже грозный османскій султанъ Баязетъ былъ побѣжденъ Тимуромъ и посаженъ въ желѣзную клѣтку. Но проливая кровь мусульманскаго населенія этихъ странъ цѣлыми рѣками, Тимуръ въ то же время умѣлъ выставлять себя покровителемъ мусульманства, ласково бесѣдовалъ съ учеными, одаривалъ святыхъ и подчеркивалъ свою ревность къ мусульманской религіи безжалостнымъ истребленіемъ инозѣрнаго населенія, напимѣръ, христіанъ Арменіи и Грузіи и язычниковъ Индіи. Тимуръ задушилъ послѣдніе остатки христіанства въ Средней Азіи; по его приказанію, были окончательно истреблены несторіане въ Семирѣчьи и въ Самаркандѣ. Подъ старость Тимуръ задумалъ искупить пролитую имъ мусульманскую кровь новымъ грандіознымъ избиеніемъ не вѣрныхъ и собирался въ походъ на Китай, но среди военныхъ приготовленій скончался въ 1405 году въ городѣ Туркестанѣ.

Ташкентъ игралъ видную роль въ исторіи Тимура, являясь базой для его борьбы съ монголами Семирѣчья и татарами Золотой орды, и потому часто упоминается въ исторіи Тимура уже подъ своимъ настоящимъ наименованіемъ. Въ 1365 году, въ самомъ началѣ своей карьеры, Амиръ Тимуръ нанесъ на берегахъ рѣки Чирчика пораженіе монголамъ. Въ ташкентскомъ районѣ Тимуръ справилъ свою свадьбу съ монгольской (по мѣстнымъ преданіямъ, китайской) царевной. По преданію, арыкъ Ханымъ въ Ташкентскомъ уѣздѣ вырытъ по приказанію этой „китайской“ царевны. Въ 1404 году, собираясь на Китай, Тимуръ посадилъ въ Ташкентѣ намѣстникомъ своего малолѣтняго внука Улугъ-бека.

У покойнаго народнаго судьи Сибзарской части города Ташкента, Мухитдина ходжи, имѣлся великолѣпный и очень старый рукописный экземпляръ извѣстной исторіи Тимура Шарифаддина („Зафаръ нама“, т. е. книга побѣдъ) съ раскрашенными картинками. Картинки эти изображаютъ Тимура сухощавымъ и скуластымъ старикомъ тюркскаго типа съ узкими глазами и узенькой сѣдою бородкою (на видъ, настоящій старый киргизъ).

XV столѣтіе было эпохой относительнаго процвѣтанія Средней Азіи. Неизбѣжныя распри между отдѣльными владѣтельными потомками Тимура не вели за собою особенно сильныхъ опустошеній; нравы тимуридовъ были довольно мягкими. Они любили пиршества и увлекались художественными постройками, прославившими эту эпоху; нѣкоторые изъ нихъ занимались литературой и писали стихи. Улугъ-бекъ построилъ въ Самаркандѣ обсерваторію и составилъ астрономическія таблицы. Видную роль въ умиротвореніи Средней Азіи игралъ знаменитый мистикъ и святой Ходжа Ахраръ, имѣвшій на князей, потомковъ Тимура, огромное и благотѣльное вліяніе, которое можно сравнить со значеніемъ митрополита на Руси въ удѣльную эпоху. Ходжа Ахраръ былъ уроженецъ окрестностей Ташкента (изъ таджицкаго кишлака Богуста); учился первоначально въ Ташкентѣ, затѣмъ въ Бухарѣ и Гератѣ. Впослѣдствіи онъ переселился въ Самаркандъ, гдѣ въ качествѣ наставника и совѣтника государей принималъ самое дѣятельное участіе въ управленіи главнымъ изъ тимуридскихъ удѣловъ Богатство Ходжи Ахрара было колоссально.

Ходжа Ахраръ былъ самымъ блестящимъ представителемъ типа такъ называемыхъ ишановъ, которые играли и еще играютъ такую важную роль въ быту среднеазіатскихъ туземцевъ. Главной ареною

дѣятельности Ходжи Ахрара былъ Самаркандъ, но и Ташкентъ хранитъ воспоминанія о немъ. Легенды о Ходжѣ Ахрарѣ безчисленны.

Достаточно сказать, что ему приписывается пріобрѣтеніе одной изъ знаменитѣйшихъ святынь ислама, — корана халифа Османа, убитого за чтеніемъ этой книги и заливаго кровью своею ея пергаментные листы. Въ настоящее время эта святыня, какъ извѣстно, находится въ Императорской Публичной библіотекѣ, гдѣ къ ея обагрѣннымъ кровью святого халифа листамъ благоговѣнно прикладываются мусульманскіе государи, посѣщающіе Петроградъ. Въ кишлакѣ Богустанъ доселѣ находится весьма почитаемый мазаръ Шейха Умара, прапрадѣда Ходжи Ахрара *). О прадѣдѣ его, шейхѣ-Овандѣ-тахурѣ или Шейхантаурѣ напоминаетъ въ самомъ Ташкентѣ мазаръ Шейхантауръ, наиболѣе почитаемая изъ ташкентскихъ святынь, мѣсто торжественныхъ народныхъ молебствій и народныхъ увеселеній, связанныхъ съ мусульманскимъ постомъ (руза). Имѣется также мадраса, носящая имя самого Ходжи Ахрара. Вакуфныя земли, завѣщанныя Ходжею Ахраромъ на различныя благотворительныя и богоугодныя цѣли, были громадны. Большая часть этихъ вакуфовъ въ настоящее время перешла въ частное владѣніе или расхищена, но и доселѣ цѣлыя значительныя части территоріи города Ташкента, русскаго и туземнаго, (напримѣръ, мѣстность Акъ-курганъ, гдѣ находится обсерваторія, и прилежающіе къ Сергіевской церкви кварталы Пушкинской улицы) значатся по документамъ происходящими изъ вакуфовъ Ходжи Ахрара.

Въ XV вѣкѣ въ степяхъ по сѣвернымъ окраинамъ Средней Азіи появляются тюркскія орды, — казаковъ, которыхъ мы именуемъ киргизами, и узбековъ, вытѣсненныхъ изъ Европейской Россіи возроставшимъ могуществомъ Московскаго государства. Это новое усиленіе кочевого тюркскаго элемента немедленно отразилось на судьбахъ Средней Азіи и въ частности Ташкента. Узбекскій ханъ Шейбани постепенно подчинилъ себѣ всю Среднюю Азію и изнѣженные тимуриды уступили мѣсто новой династіи шейбанидовъ. Сраженія между тѣми и другими происходили и въ ташкентскомъ районѣ. Послѣ одной изъ битвъ тимуридъ Бабуръ или Баберъ, какъ его называютъ западно-европейскіе ученые, рѣшилъ искать счастья въ новыхъ краяхъ и предпринялъ походъ на Кабуль. Это предпріятіе сопровождалось прямо фантастическою удачею. Среднеазіатскій авантюристъ завоевалъ

*) Извѣстно персидское стихотвореніе, сложенное учениками Шейха Умара о двухъ сотворенныхъ имъ чудесахъ:

Даръ Нонои даръ фазль-и-данъ авгуръ пухтъ, мо хурдагимъ.

Даръ тамузъ объ-и-Фаракъ яхъ канда, мо тузаштагимъ.

„Зимою въ Нанаѣ (кишлакъ выше Богустаана) посѣлѣ виноградъ; мы ѣли его, въ іюлѣ вода Фарака (Чирчика) обратилась въ ледъ; мы перешли по ней“.

Индію и основалъ такъ называемую имперію Великихъ Моголовъ, обширное наслѣдство которой перешло къ Великобританіи. Слышанное мною въ Ташкентѣ преданіе гласитъ, что Бабуръ въ жаркой Индіи тосковалъ по своей родинѣ, и ему приписываютъ слѣдующее персидское двустишіе:

Умри ки на шудъ сарфъ-и-Самаркандъ у Хари,

Афсусъ ки даръ Агира вайронъ бегузаштъ. .

„О, какъ жаль, что жизнь моя была истрачена не въ Самаркандѣ или Гератѣ, но прошла и погибла въ Агрѣ“ (Агра и Дели—главные города Великихъ Моголовъ въ Индіи).

Грубые узбеки привели Среднюю Азію къ тому одичанію, въ которомъ ее засталъ Вамбери.

Торговля съ Китаемъ и Россіею почти прекратилась. Только въ концѣ XVI столѣтія, при Абдулла-ханѣ бухарскомъ, этомъ по истинѣ великомъ государѣ, заботившемся о просвѣщеніи и о путяхъ сообщенія и строившемъ по всѣмъ городамъ своихъ владѣній мадраса, а по дорогамъ мосты и караванъ-сарай, въ Средней Азіи царствовали миръ и тишина.

Къ эпохѣ Абдулла-хана относится построеніе мадраса Кугальташъ, названнаго по имени одного изъ любимыхъ его вельможъ, который былъ правителемъ Ташкента; здѣсь онъ затѣмъ и былъ убитъ по повелѣнію жестокаго преемника Абдулла-хана. Красивая мадраса Кугальташъ сохранилась и доселѣ; въ XVIII столѣтіи она была заброшена и даже обращена въ караванъ-сарай; затѣмъ обвалившіеся минареты были снова возстановлены, но уже безъ изразцовыхъ украшеній. Массивныя деревянныя двери мадрасы украшены великолѣпной рѣзбой и сильно закопчены съ одного края (слѣды пожара или поджога). До прихода русскихъ съ верхняго парапета этой мадрасы сбрасывали въ мѣшкахъ внизъ, на выстланную камнемъ площадку, женщинъ, уличенныхъ въ невѣрности мужьямъ. Нынѣ во дворѣ этой мадрасы происходятъ выборы въ гласные Городской Думы отъ туземнаго населенія.

Ташкентъ по своему окраинному положенію особенно страдалъ отъ новыхъ тюркскихъ варваровъ, являвшихся съ сѣвера въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Его грабили и узбеки, и киргизы (казаки). Киргизъ въ свою очередь началъ тѣснить новый врагъ,—языческіе калмыки изъ Джунгаріи. Если вы спросите современнаго киргиза о какихъ-либо историческихъ воспоминаніяхъ, вы будете поражены тѣмъ, до какой степени борьба съ калмыками изгладила изъ памяти этого народа все остальное. Можно подумать, что киргизы никогда и не знали другого врага, кромѣ калмыковъ. Повидимому, тюркская народная

память соединила съ калмыками и прежнихъ, еще болѣе грозныхъ враговъ, монголовъ. Борьба была тѣмъ болѣе жестока, что оба народа, почти одинаковые по своему кочевому и скотоводческому быту, нуждались въ одномъ и томъ же,—именно, въ хорошихъ пастбищахъ, религіозныя же и расовыя отличія проводили между враждующими непроходимую пропасть. Въ 1723 году калмыцкій полководецъ Галданъ-церенъ овладѣлъ Ташкентомъ; одинъ изъ холмовъ къ сѣверу отъ Ташкента и доселѣ называется Калмакъ-чикканъ (калмыки взошли). Въ долину Чирчика имѣется Калмакъ-арыкъ (калмыцкій арыкъ). Въ таджицкомъ селеніи Заркентъ показываютъ на горѣ каменный столбъ, называемый Бобо-и-мардакъ („святой въ родѣ человѣка“) и весьма чтимый мѣстными жителями. По преданію, здѣсь жилъ святой, занимавшійся пастъбою овецъ. Въ то время на ташкентскій оазисъ напали калмыки; увидѣвъ калмыцкое войско на перевалѣ Алтынъ-бель, святой пастухъ помолился Богу о спасеніи отъ невѣрныхъ и былъ превращенъ въ каменный столбъ.

Однако калмыки не играли въ исторіи нашего города никакой роли. Гораздо важнѣе были отношенія къ киргизамъ (казакъ). Узбеки еще смогли кое-какъ поддержать правильный государственный строй въ болѣе обширныхъ оазисахъ и создали варварскія военныя монархіи Бухары и Хивы, но у нихъ не хватило силъ основать прочное государство на окраинѣ степей, въ небольшомъ ташкентскомъ оазисѣ. Населеніе Ташкента чаще всего было предоставлено самому себѣ. Ремесленники, сложившіеся въ крѣпкія цеховыя организациі, земледѣльцы и торговцы сообща вѣдали общественныя дѣла. Въ эту то эпоху, надо полагать, особенно укрѣпились и развились въ Ташкентѣ, этомъ „Гамбургѣ“ Средней Азіи, по выраженію русскихъ официальныхъ документовъ середины XIX столѣтія, тѣ замѣчательные муниципальные нравы большого торговаго и промышленнаго города, о которыхъ говорятъ русскіе источники XVIII и XIX столѣтій. Правда, Ташкентъ рѣдко пользовался самостоятельностью, подчиняясь то бухарскимъ эмирамъ, то киргизскимъ ханамъ, то (впослѣдствіи) повелителямъ новой военной державы, возникшей въ Средней Азіи, ханства Кокандскаго. Но зависимость эта была часто эфемерная, а иногда и прямо номинальная. Въ 1611 году бухарскій эмиръ Имамъ-Кули-ханъ посадилъ правителемъ въ Ташкентѣ своего сына Искандера, но ташкентцы возстали и убили его. Разгнѣванный Имамъ-Кули-ханъ поклялся, что по взятіи Ташкента не прекратитъ избіенія дотолѣ, пока кровь ташкентцевъ не достигнетъ его стремени. Городъ былъ взятъ, и началась жесточайшая рѣзня, утомившая самихъ побѣдителей. Ташкентцы прибѣгли къ заступничеству муфтіевъ и имамовъ, но Имамъ-Ку-

ли-ханъ отвѣтилъ заступникамъ, что не можетъ нарушить данную имъ клятву. Ученые богословы, со свойственною имъ схоластическою изворотливостью, нашли средство успокоить благочестиваго хана и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти ташкентцевъ отъ окончательнаго истребленія; они велѣли набросать въ одинъ изъ общественныхъ прудовъ (хаузъ), которыхъ такъ много въ туземномъ Ташкентѣ и до сего времени, трупы убитыхъ и предложили хану вѣхаться въ хаузъ верхомъ на лошади. Такимъ образомъ кровь ташкентцевъ достигла стремени ханскаго коня; клятва была исполнена, и Имамъ Кули ханъ отдалъ приказъ прекратить избіеніе. На Ташкентъ была наложена тяжелая дань, и городъ довольно долгое время оставался подъ бухарскимъ владычествомъ.

Въ XVIII вѣкѣ Ташкентомъ владѣли киргизскіе ханы Большой Орды. Вотъ какъ рисуютъ русскіе офиціальныя документы того времени картину ташкентскаго управленія: „Въ томъ же городѣ Ташкентѣ въ срединѣ кремль, также имѣетъ особую каменную стѣну крѣпкую; въ ней во всѣ стороны шесть воротъ; называютъ тотъ кремль Старый Ташкентъ; жилье тѣсное, а живутъ духовные ихъ, также школы, да магистратскій судъ у воротъ, называемыхъ Кукча при мечети. И въ тотъ кремль хановъ никогда не впускаюгъ, да и сами не входятъ, боясь, чтобъ не засадили.

О правленіи магистратскомъ. Градодержателей или магистратскихъ членовъ главныхъ всѣхъ десять человѣкъ, въ томъ числѣ и вышеписанные. Они живутъ въ кремлѣ у воротъ Кукча жъ и всякія главныя дѣла судятъ и посылаютъ отъ себя въ другія орды съ вѣдомомъ и безъ вѣдома хановъ своихъ, а для прочихъ судныхъ дѣлъ у всякихъ большого города воротъ опредѣлены по одному старшинѣ, кои тутъ судятъ и всякую расправу дѣлаютъ, все на словахъ сыскивая правды а чего разсудить не могутъ, спрашиваются съ первымъ духовнымъ ахуномъ, который разбираетъ по китапу, т. е. Курана по суднымъ главамъ, и власть имѣютъ казнить городскихъ жителей, не спрашиваясь съ ханомъ, а къ хану отсылаютъ только винныхъ кайсаковъ“... „А ташкентскій магистратъ даетъ отъ себя во всѣ города старшинъ, чтобы при нихъ собирали и никакихъ обидъ не дѣлали; однако-жъ кайсаки многихъ побиваютъ до смерти, но на то не смотря, право свое не теряютъ, новыхъ, выбирая, посылаютъ, а о убитыхъ отъ хановъ никакой управы получить не могутъ“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ самомъ городѣ существовала рознь между отдѣльными частями его и даже между кварталами (какъ и въ Великомъ Новгородѣ). Шейхантаурская, Сибзарская Бишъ-агачская и Кукчинская части въ концѣ XVIII вѣка дошли до открытаго междо-

усобія, и мѣсто сраженія, находящееся въ оврагѣ по близости туземнаго базара, донинѣ называется Джангобъ (ручей битвы).

Побѣдителемъ въ этомъ междоусобіи вышелъ нѣкій Юнусъ-ходжа, который сумѣлъ создать (на короткое впрочемъ время) независимое ташкентское государство. Ташкентцами и доселѣ изъ почтенія прибавляется иногда къ имени его слово „ишанъ“ (они): Юнусъ-ходжа ишанъ. Преданіе говоритъ, что Юнусъ-ходжа отобралъ у своихъ приверженцевъ мѣдную посуду и съ помощью бѣглыхъ русскихъ солдатъ изъ татаръ вылилъ нѣсколько пушекъ (замбаракъ). Эта примитивная артиллерія дала ему побѣду не только надъ соперниками внутри города, но и надъ окрестными киргизами, вскорѣ подчинившимися власти ташкентскаго правителя. Юнусъ-ходжа построилъ (вѣрнѣе, возобновилъ) вокругъ Ташкента глинобитныя стѣны, протяженіе которыхъ по современнымъ городскимъ измѣреніямъ $13\frac{2}{3}$ верстъ (6833 сажень). Воспоминаніемъ объ Юнусъ-ходжѣ служить мѣстность Юнусъ-аватъ („поселокъ Юнуса“), по нынѣшнему Чимкентскому тракту.

Усмиреніе киргизъ было очень важно для трудолюбиваго ташкентскаго населенія. Еще и нынѣ старые туземцы рассказываютъ, съ какими опасностями была сопряжена обработка полей въ окрестностяхъ города. Сартъ-земледѣлецъ чувствовалъ себя въ безопасности только подъ защитой „курмана“, т. е. городской стѣны, почему полоса садовъ не удалялась отъ ташкентскихъ укрѣпленій; въ отдаленіи отъ нихъ были возможны только временныя посѣвы, при чемъ во время полевыхъ работъ земледѣльцы должны были держаться кучками и на ночь уходить въ курманчи. Курманча—буквально значитъ „укрѣпленіице“; такъ называются туземные хутора или фермы, обыкновенно обнесенныя толстыми и высокими стѣнами: несомнѣнно, это тѣ самыя „замки“, о которыхъ говорится у арабскихъ географовъ, посѣщавшихъ Среднюю Азію въ первые вѣка мусульманской эры. Кругомъ работающихъ бродили въ отдаленіи небольшими партіями киргизскіе барантчи, всегда готовые захватить плѣнника, отбить домашнихъ животныхъ или ограбить обмолоченное зерно.

Только русская власть положила конецъ этому невыносимому состоянію полувойны-полуразбоя, и только со времени русскаго завоеванія садовая культура стала распространяться отъ Ташкента вверхъ и внизъ по чирчикской долинѣ.

Юнусъ-ходжа безпощадно рѣзалъ киргизъ и навелъ на нихъ большой страхъ. Этотъ правитель Ташкента чеканилъ даже монету. Любопытно отмѣтить, что мѣдныя монеты позднѣйшей ташкентской чеканки (зарбъ и-Тошкандъ) носятъ грубое изображеніе какого-то жи-

вотнаго съ длинными ушами или рогами,—осла, козла или зайца. На нѣкоторыхъ монетахъ надъ этимъ животнымъ замѣтно изображеніе летящей птицы, а потому можно думать, что монеты изображаютъ какую-то охотничью сцену *). Въ отрогахъ Тянь-шаня, входящаго въ восточные предѣлы Ташкентскаго уѣзда, ловились вблизи высочайшихъ вершинъ благородные сокола лучшаго качества (лачинъ), но мѣстное населеніе приучало къ охотѣ также и другихъ хищныхъ птицъ,—ястребовъ и даже грифовъ (буркутъ). Названіе одного изъ кишлаковъ Ташкентскаго уѣзда (Газалкентъ, „соколиный городокъ“) и пригородная мѣстность Кушчи („сокольники“), находящаяся за вокзаломъ, напоминаютъ о важномъ значеніи соколинаго промысла.

Побѣдивъ киргизъ ташкентскаго и чимкентскаго раіоновъ и отразивъ нашествіе кокандцевъ Юнусъ-ходжа возымѣлъ такое высокое понятіе о своихъ силахъ, что самъ сталъ вмѣшиваться въ ферганскія междоусобія и даже задумалъ совершить походъ на Фергану, но потерпѣлъ полную неудачу. Въ Ферганѣ въ то время (конецъ ХУІІІ столѣтія) слагалась крѣпкая (конечно, относительно, по среднеазіатскому масштабу) военная держава, руководимая объединителями Ферганы, кокандскими владѣтелями, которые уже перемѣнили скромный титулъ біевъ (бій—нынѣ народный судья у кочевого населенія) на титулъ хановъ. Въ то время кокандскимъ ханомъ былъ молодой, энергичный и воинственный Алимъ-ханъ. Ташкентское войско перевалило пограничныя горы черезъ Кендыръ-даванъ и спустилось къ ферганскому кишлаку Гурумъ-сарай у сѣвернаго берега Сыръ-дарьи. Здѣсь ихъ встрѣтилъ Алимъ-ханъ. Въ происшедшемъ сраженіи ташкентцы были разбиты на голову и бѣжали обратно. Въ народной памяти сохраняется слѣдующій „таарихъ“ (хронограмма, т. е. стихъ, опредѣленные слова котораго въ ихъ числовомъ значеніи даютъ годъ событія).

Банги, ба кунашъ нигохъ но карда, гурихтъ, т. е. „Курильщикъ опиума (насмѣшливое прозвище Юнусъ-ходжи) безъ оглядки бѣжалъ“.

Завоевательныя стремленія Юнусъ-ходжи, разумѣется, были совершенно нелѣпы. Трудолюбивое, стойкое и мирное ташкентское населеніе съ его муниципальными привычками нуждалось только въ мирѣ, чтобы расширить земледѣльческую культуру оазиса и развитъ промышленность и торговлю города, къ военнымъ же авантюрамъ не имѣло ни малѣйшаго влеченія.

Результаты похода ташкентцевъ на Фергану были для нихъ крайне печальны. Ознакомившись съ военною слабостью ташкентцевъ,

*) И другихъ ташкентскихъ монетахъ имѣется, по вѣдному изображенію, тигра (ширъ, джұлбарсъ).

Алимъ-ханъ по смерти Юнусъ-ходжи самъ началъ военныя дѣйствія противъ Ташкента и покорилъ его, хотя и не сразу. По словамъ туземнаго лѣтописца передъ началомъ послѣдняго штурма была такая канонада, что всѣ беременныя женщины въ городѣ сразу разрѣшились отъ бремени. Интересно отмѣтить стойкость ташкентцевъ во время войнъ съ кокандцами. Завоеватели подламывали ихъ упорство лишь тѣмъ, что отбрасывали въ Чирчикъ воды Бозсу, магистральнаго оросительнаго канала, орошавшаго ташкентскій оазисъ, но и послѣ того ташкентцы еще держались, хотя имъ приходилось пить тухлую, съ червями, воду изъ „хаузовъ“ и воду колодцевъ, противъ которой они питали инстинктивное предубѣжденіе (вѣроятно, потому, что за болѣе, чѣмъ тысячелѣтнее существованіе города на одномъ мѣстѣ почва Ташкента была положительно пропитана нечистотами изъ поглощающихъ колодцевъ. При постройкѣ большихъ зданій въ центрѣ города за послѣднее время обнаружено, что почва, пронизанная старыми поглотителями, мѣстами походила на пчелиныя соты).

Къ этой эпохѣ кокандскихъ нашествій относится ташкентская поговорка: арпа бугдай ашъ еканъ, алтынъ кумышъ ташъ еканъ (т. е. „вмѣсто (любимаго) блюда (т. е. палау)—ячмень да пшеница, а золото и серебро все равно что камни“. Интересно, что и М. Г. Черняевъ примѣнилъ при взятіи города ту же тактику отбросивъ въ Чирчикъ воды Бозсу въ головѣ этого арыка, у крѣпости Ніазбекъ, для чего ему пришлось начать ташкентскую операцію взятіемъ этой крѣпости, являвшейся стратегическимъ ключемъ Ташкента. Замѣчу, кстати, что послѣднимъ комендантомъ упраздненной засимъ крѣпости Ніазбекъ въ 1866 году состоялъ бывший до 1915 года членомъ Ташкентской Городской Управы Л. І. Билевичъ.

Воинственный Алимъ-ханъ, несмотря на нѣкоторые свойственные ему недостатки (напримѣръ, склонность къ пьянству), былъ выдающимся правителемъ. По мнѣнію глубокаго знагока ферганской исторіи В. П. Наливкина, именно Алимъ основалъ могущество Кокандскаго ханства. Кромѣ Ташкента, Алимъ-ханъ завоевалъ Ходжентъ и Ура-тюбе. Алимъ-хана звали „жестокимъ эмиромъ“ (Амиръ и золимъ, — калмбуръ съ его именемъ Алимъ, или Олимъ) и даже лютымъ тигромъ (ширъ гаранъ); въ опьяненіи боя, или послѣ взятія непріятельскаго города онъ дѣйствительно творилъ жестокости; также суровъ онъ былъ къ ханжамъ, обманывавшимъ народъ ложною святостью. Но онъ былъ безусловно храбръ въ бою и на охотѣ; во время одного изъ походовъ подъ Ташкентъ онъ лично закололъ на Куйлюкѣ копьемъ тигра. Онъ создалъ сильное войско; былъ справедливъ, дѣтеленъ и умѣлъ чтить представителей мусульманской религіи, отличавшихся святостью или ученостью. Энергія хана, его безпрестанные

походы, преслѣдованіе ханжей и припадки бѣшеннаго гнѣва, иногда овладѣвавшіе имъ, наскучили кокандскимъ вельможамъ. На жизнь хана стали составляться заговоры, и во время одного изъ походовъ „жестокаго эмира“ на непокорныхъ киргизъ ташкентскаго раіона среди войска его безъ всякой видимой причины произошла искусно подготовленная паника; виднѣйшіе вельможи вмѣстѣ съ большею частью войскъ и младшимъ братомъ хана, Умаромъ, бѣжали въ Кокандъ. По дорогѣ, у переправы черезъ Чирчикъ при селеніи Куйлюкъ, Умаръ былъ провозглашенъ ханомъ (по извѣстному среднеазіатскому обряду поднятія на войлокъ). Вся прочая свита постепенно подъ разными предлогами оставила Алимъ хана; всѣ спѣшили на поклонъ къ новому повелителю. Оставленный всѣми и отвергнувъ совѣты бѣжать въ одно изъ сосѣднихъ ханствъ, первый ханъ или царь Ферганы, какъ его называютъ туземные лѣтописцы, направился къ Коканду и, оставшись одинъ, невдалекѣ отъ переправы черезъ Сыръ дарью, былъ убитъ подстерегавшею его шайкою. Сынъ его Шахрухъ бекъ, оставленный имъ въ Ташкентѣ, былъ схваченъ и зарѣзанъ. Народъ встрѣтилъ тѣло хана, привезенное въ Кокандъ на арбѣ, плачемъ и рыданіями, и самъ Умаръ ханъ, ища народнаго расположенія и популярности, долженъ былъ выразить глубокую скорбь о погибшемъ братѣ. Туземный поэтъ сложилъ объ Алимъ ханѣ слѣдующее двустишіе:

„Даже въ сто тысячъ вѣковъ другой подобный тебѣ всадникъ не пугаетъ такъ пѣшеходовъ на полѣ исторіи“.

„Таарихъ“ (т. е. хронограмма) на смерть Алимъ-хана гласитъ слѣдующее:

Дамъ-и-бако-ро у саръ-и-джо-ро азъ хонъ рустамдиль.

„(Отняты) дыханіе вѣчности и главное мѣсто у хана, мужественнаго подобно Рустаму“.—

„Таарихъ“ даетъ годъ этого событія, — 1817.

Ташкентъ оставался подъ кокандскимъ владычествомъ до русскаго завоеванія, но временами подчинялся Бухарѣ. Такъ было въ началѣ 40-хъ годовъ, во время смутъ въ Кокандскомъ ханствѣ, и передъ самымъ штурмомъ 1865 года. Когда главные кокандскіе военачальники погибли въ бою или бѣжали, въ городъ проникъ по приглашенію жителей отрядъ бухарскихъ войскъ.

При братѣ и преемникѣ Алимъ-хана, покровителѣ поэтовъ Умаръ-ханѣ, въ Ташкентѣ было, между прочимъ, совершено торжественное обрѣзаніе второго ханскаго сына Абдулла-бека, оставленнаго засимъ правителемъ Ташкента. — конечно, номинальнымъ (по своему малолѣтству). Для шествія хана дорога къ Ташкенту отъ самаго Куйлюка была устлана коврами и разными матеріями. Черезъ нѣсколько лѣтъ

малолѣтній Абдулла-бекъ былъ зарѣзанъ по приказу своего старшаго брата Мадали, вступившаго на престолъ.

При кокандскомъ управленіи, несмотря на непрекращавшіяся смуты въ Кокандскомъ ханствѣ, городъ Ташкентъ достигъ нѣкотораго процвѣтанія, но, конечно, не могъ и мечтать о томъ мощномъ развитіи промышленной и торговой жизни, которое мы наблюдаемъ теперь.

Смѣлый Вамбери съ точки зрѣнія негодующаго европейца яркими красками описалъ варварство среднеазіатскихъ порядковъ передъ русскимъ завоеваніемъ. Я нарисую картину патріархальнаго ташкентскаго быта до прихода русскихъ такъ, какъ она рисуется въ памяти самихъ туземцевъ, именно туземныхъ старожиловъ.

Гарнизонъ былъ расположенъ у юго восточной оконечности города, въ такъ называемой урдѣ, гдѣ жилъ также правитель ташкентскаго вилайета или бекляръ-бекъ. Это слово означаетъ „надъ беками бекъ“, т. е. генераль губернаторъ. Ташкентскимъ бекляръ-бекамъ была подчинена вся сѣверная часть кокандской державы до Перовска и Пишпека, и они нерѣдко возмущались противъ кокандскихъ хановъ, принимая самое живое участіе въ дворцовыхъ интригахъ и междоусобіяхъ ханства. Лошади артиллеріи и сипаевъ (конницы) содержались частью клеверомъ съ казенныхъ полей, занимавшихъ территорію нынѣшняго русскаго города, частью соломой которую обязаны были привозить всѣ пріѣзжавшіе въ городъ жители кишлаковъ (по два мѣшка съ арбы). Гарнизонъ (сарбазы), какъ и въ Бухарѣ, комплектовался людьми неодобрительнаго поведенія, — сыновьями на непослушаніе которыхъ жаловались отцы, бродягами, гуляками засиживавшимися по чай-ханамъ или поздно ночью шатавшимися по городу, и т. д. Солдатское зданіе и соединенная съ нимъ дисциплина считались наказаніемъ. Солдаты не бродили постоянно по городу; ежедневно выпускали изъ урды погулять по городу только 1/10 часть ихъ. Кромѣ казеннаго продовольствія сарбазы получали паекъ, на который содержали свои семьи. Сверхъ того, солдаты, знающіе ремесло, занимались имъ въ урдѣ, когда не было казенныхъ работъ. Во Кокандѣ ташкентскіе сарбазы вызывались рѣдко; выступленія на сѣверъ были чаще. Въ городѣ, иногда бывали при кокандскомъ владычествѣ и мятежи. Такъ, одинъ изъ ташкентскихъ старожиловъ рассказывалъ мнѣ, что передъ походомъ кокандскихъ войскъ къ Туркестану (т. е. передъ извѣстнымъ дѣломъ при Иканѣ) жители города были обложены податью по 35 коп. со двора. При тогдѣшней цѣнности денегъ это показалось населенію тяжкимъ поборомъ; поднялся мятежъ, но когда военачальникъ кокандскій (амляшкаръ) Алимъ-

куль, въ послѣдствіи павшій въ бою съ русскими при Шоръ-тюбе (гдѣ нынѣ селеніе Никольское), разстрѣлялъ шестерыхъ зачинщиковъ, населеніе успокоилось, и требуемая деньги были доставлены. Денегъ вообще было мало; дешевизна жизни и рабочихъ рукъ была поразительная; уже по приходѣ русскихъ мардикору (поденщику) платилось 1—1½ теньги (20—30 коп.). Баранъ стоилъ 60 коп., корова 1 рубль, лошадь 1½ тилли (около 5 рублей), хорошая лошадь—3 тилли. Рисъ 2 рубля батманъ, пшеница 1 руб. 20 к.—1 руб. 40 к., клеверъ сухой 20 коп. за сотню сноповъ.

Назначеніе на высшія должности въ Ташкентѣ всецѣло зависѣло отъ хановъ. Выборныхъ властей не было, хотя привычки мѣстнаго населенія не могли быть искоренены, и видные мѣстные обыватели пользовались большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, получая отъ хановъ ярлыки на виднѣйшія мѣстныя должности.

Въ письмѣ Военнаго Министра графа Милютина на имя Командующаго войсками Оренбургскаго военнаго округа генерала Крыжановскаго отъ 17 ноября 1865 года имѣются слѣдующія строки.

„Ваше Превосходительство изволите полагать, что азіатцы не поймутъ муниципалитета съ исполнительною властью, но какъ кажется, въ настоящее время въ Ташкентѣ существуетъ вполне успѣшно эта форма правленія, и по всѣмъ доходящимъ свѣдѣніямъ жители охотно ей повинуются“.—Какъ извѣстно, генераль Крыжановскій хотѣлъ сдѣлать Ташкентъ независимымъ государствомъ, находящимся подъ покровительствомъ Россіи, и въ своей докладной запискѣ Военному Министру отъ 23 октября 1865 года, указывая на трудность задачи устройства управленія въ Ташкентѣ, высказалъ, что ташкентцы всего охотнѣе согласились бы на муниципалитетъ, но онъ полагалъ бы отдать предпочтеніе единоличному управленію.

Отличительною чертою стариннаго ташкентскаго быта была строгость наказаній. Вора водили дважды по базару съ палочными ударами и съ провозглашеніемъ его вины. Если за вора являлись просить родственники, то его освобождали; если воръ былъ киргизъ и вообще человѣкъ безродный (мусафиръ), его казнили или, въ видѣ исключенія, брали въ солдаты; казнили за воровство и ташкентца, если онъ попадался въ третій разъ. За пьянство казнили смертию; то же полагалось за неприличную брань и за прелюбодѣяніе. Кромѣ обычной формы казни (ударъ топорикомъ по лбу, послѣ чего оглушенному преступнику порерѣзывали горло и подвѣшивали тѣло подъ мышки на висѣлицу), примѣнялась казнь квалифицированная,—сбрасываніе съ башни, зарываніе въ землю и замуровываніе въ стѣну живымъ. Близъ базара имѣется кварталъ Калля-хана, т. е. „постройка

изъ (человѣческихъ) головъ“; это названіе напоминаетъ о какой-то массовой казни. Калля-мунары (башни изъ головъ) извѣстны и въ другихъ мѣстахъ Туркестана, а также и въ христіанскихъ провинціяхъ Европейской Турціи (челе-кула). Блюститель чистоты нравовъ (раисъ) наблюдалъ, чтобы граждане аккуратно посѣщали мечеть и посылали своихъ дѣтей въ школу. Символомъ власти раиса и вмѣстѣ съ тѣмъ орудіемъ наказанія за неблагочестіе и непотребство была тяжелая плеть, „дарра“. Раисъ вмѣшивался даже въ домашнюю жизнь и налагалъ взысканія за жизнь не по средствамъ, а бѣдныхъ людей въ этомъ случаѣ прямо бралъ въ солдаты, полагая, что если бѣдный человѣкъ много тратитъ, значитъ, онъ или игрокъ, или воръ. Существовало и рабство, при чемъ рабами были персіане шіиты (еретики) и русскіе (кафиры, т. е. невѣрные). Персіане нерѣдко выкупались на волю и даже образовали за кара-камышскимъ оврагомъ, къ западу отъ Ташкента, поселокъ Иронъ, жители котораго нынѣ говорятъ по сартовски, но типомъ своимъ живо напоминаютъ персіанъ.

Отсутствіе значительныхъ дорогъ тормозило торговля сношенія; тридцативерстное разстояніе отъ селенія Той-тюбе до Ташкента зимою было совершенно непроходимо, и груженныя арбы застрѣвали тамъ на мѣсяць и болѣе. О мостовыхъ не имѣли и понятія, если не считать одного или двухъ переулковъ возлѣ базара, грубо выложенныхъ огромными камнями,—да и эта неудобная роскошь осталась отъ временъ великаго строителя Абдулла-хана бухарскаго. Мосты были деревянные; въ центрѣ города были остатки нѣсколькихъ старинныхъ, уже обвалившихся кирпичныхъ мостовъ, сохранившихся отъ временъ тимуридовъ, или того же Абдулла-хана бухарскаго.

Приближеніе русскихъ войскъ положило конецъ этой полудикой идилліи. Могущее государство не желало болѣе терпѣть на своей границѣ варварскихъ владѣній, гдѣ томились въ рабствѣ многіе русскіе люди, и гдѣ не были обезпечены ни жизнь русскихъ торговцевъ, ни товары, привозимые ихъ караванами. Часъ приобщенія Средней Азіи къ русскому міру пробилъ.

Туземный историкъ, рассказывая о покореніи русскими городовъ Туркестана и Ауліеата, меланхолически замѣчаетъ, что побѣда—даръ Бога и мусульманамъ, и невѣрнымъ; гнѣвъ Божій постигаетъ тѣхъ, кого Богу угодно.

Во время походовъ М. Г. Черняева подъ Ташкентъ (1864 и 1865 годы) въ городѣ существовала значительная партія, стоявшая за миръ и за подчиненіе русскимъ. Были примѣры, что въ одной и той же семьѣ одинъ членъ выходилъ драться съ русскими, а другой—прятался въ глубинѣ одного изъ безчисленныхъ ташкентскихъ тупиковъ

(бошибекъ), основательно полагая, что во время штурма русскіе будутъ двигаться по сквознымъ улицамъ, и что въ тупикъ безопаснѣе...

Я не стану приводить въ параллель современное состояніе Ташкента,—съ его сравнительно высокимъ благоустройствомъ, поражающимъ не только иногороднихъ туземцевъ края, а также бухарцевъ и хивинцевъ, но и заѣзжаго русскаго путешественника, съ чистыми въ лѣтнее время тротуарами и мощенными улицами, съ прекрасными школами, съ электрическимъ трамваемъ и телефономъ, съ электрическимъ и керосино-калильнымъ освѣщеніемъ,—съ кипящими жизнью базарами и съ великолѣпными уличными насажденіями и садами, съ красивыми зданіями и памятниками, съ учеными, спортивными и благотворительными обществами, съ театрами и газетами.

Это оригинальнѣйшій городъ, типичный городъ садъ, къ сожалѣнію, неизвѣстный ни русскимъ, ни европейскимъ поборникамъ идеи новѣйшаго устройства городовъ по типу „города-сада“.

Я останавлиюсь лишь на Ташентскомъ городскомъ общественномъ управленіи. Уже черезъ 11 лѣтъ послѣ взятія города русская власть мудро даровала Ташкенту то, къ чему его давно уже приучала исторія,—самоуправленіе. Русскій идейный трудъ нашелъ откликъ въ душѣ туземнаго населенія, и безпристрастный историкъ по достоинству оцѣнитъ громадную работу, которая выполнена Ташкентскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ.

Н. Маллицкій.

